

Серик БАЙХОНОВ

АЛТАЙ – РУБИКОН

Этно-роман
(журнальный вариант)

Окончание. Начало в № 8–12, 2024.

Глава седьмая

НА РАСПУТЬЕ

1

Снова призывно заухав в ночи, подал голос сыч, словно почувствовал состояние Пржевальского. Не зря путешественник так волновался давеча. Оказывается, вестник беды уселся прямо на самую вершину купольного остова юрты – на шанырак и не давал ему покоя. Не к добру, да, не к добру это. По поверью туземцев, из всех птиц, которые хозяйничают в степи по ночам, именно сыч – предвестник несчастья. К тому же он – настоящий бродяга, по природе своей непоседлив, очень осторожен и никогда надолго не задерживается на одном месте. Пржевальский, как человек цивилизованный, не верил в степные суеверия, он и русские-то поверья не жаловал своим вниманием. По понятиям казахов, сыч – это байгус, байская дочь, потерявшая возлюбленного и превратившаяся в птицу. Другие, например казаки, говорили, что сыч – это убогий, бедный человек, чуть ли не разбойник, который ищет добычу тёмной ночью.

Долго Пржевальский не мог сомкнуть глаз. Он уже начал разбираться, что в отношении казахов к природе и животным существует определённая, весьма тонко продуманная, сформировавшаяся в течение многих веков система, в которой сохранилось их едва ли не первобытное поклонение луне, солнцу, огню и воде, что весьма непривычно для европейцев. Вполне можно понять поклонение хищникам, крупным зверям: льву, медведю или волку. Это распространено и среди русских крестьян. Или же взять уважение к ловчим птицам: к орлу и соколу. Но зачем поклоняться гусям и лебедям? Где это видано?.. Однако степняки с большим трепетом относятся именно к диким, не к домашним, естественно, гусям и лебедям. Пржевальский вспомнил легенду о некоем юноше, влюбившемся в белую принцессу-лебедь, и усмехнулся. Никак не вязался образ угловатого, чёрного, как скала, проводника-казаха и его сородичей с образами птиц. А вот радующийся каждой птахе как младенец его помощник, прапорщик Роборовский, – сам вылитый птенец, пучеглазый, остроносый, шея как у сыча. Кстати, по прибытии в столицу не забыть бы произвести этого молодого человека с птичьим характером из прапорщиков в лейтенанты. За хорошую службу...

Как же назвал тогда прапорщик того маленького воробья? О-о... мулла-воробей... Ни много ни мало – мулла-воробей. Как будто ему мало было российских воробьев-попов, воробьев-иеромонахов, гляди-ка, и по дороге в далёкий Тибет отыскал их «собрата» муллу-воробья. Так легко и просто во время экспедиции сделать мировое открытие в области биологии... Точнее, в орнитологии – науке о птицах.

Этих размышлений оказалось достаточно, чтобы улетучились остатки сна. Решив немного размяться, вышел из юрты подышать воздухом. Немного размял онемевшие руки и ноги, несколько раз сильно потянулся. Постояв, с опаской обошёл взглядом территорию лагеря. Обычно в экспедициях, которые были полны приключений и неожиданностей, он не особенно доверял кому-либо. Всячески старался пресечь неприятности на корню лично, никому ничего не перепоручая...

Стоял долго, смотрел на ночное небо. Степняки, обычно поклоняющиеся небу и ждущие от него все блага, кое-что объяснили ему об их отношении к поднебесью. Звёздное небо было для них не только ориентиром для движения в бесконечном пространстве степи. Его они наполнили мифами и легендами, многие из которых были схожи по сюжетам с подобными русскими сказками. Например, Венера, которая сейчас ярко светила над горизонтом, была пастушеской звездой, и её появление означало время весенней перекочёвки. Эта яркая звёздочка всего несколько минут тому назад лежала меж гор, словно в колыбели, а теперь переместилась на запад. Луна же была бледной. Обойдя юрту и осмотрев вершину купола – шанырак, Пржевальский думал, что сможет разглядеть птицу, которая своим криком не давала ему покоя. Однако там никого не было видно...

Вроде бы все на месте. Как обычно, всхрапывали кони, зевали верблюды, овцы, сгрудившиеся в кучу, знай себе покашливали. Как только на глаза путешественнику попались мирно спавшие воины-казаки, волнение тут же улетучилось. И зимой, и летом эти вояки могли спать на голой земле. Они, как и степняки-казахи, не искали лёгкой жизни. Подмяв под себя густую сухую траву, обнявшись друг с другом, казаки спали богатырским сном. «У казаков не было при себе ни подушек, ни одеял. Укрывались они своими полушубками, подложив под голову свои же рубахи», – вспомнил Пржевальский недавнюю запись в дневнике.

То тут, то там из-под накрытых вместо одеяла попон выглядывали стволы ружей. Дабы не замочить фитили, казаки укрыли свои ружья одеялами или одеждой. Обойдя весь лагерь, тщательно всё осмотрев, всё же никак не мог успокоиться. Сильно напугал его неожиданный и громкий крик ночной птицы.

Если уж называть всё своими именами – казаки, они ведь тоже близки по образу жизни к степнякам-казахам. Их отцы и деды бежали в бескрайние степные просторы от крепостной неволи и произвола власть имущих – помещиков. Многие крепостные убегали от своих хозяев на Дон или на Урал. Отсюда и происходят донские казаки, яицкие казаки. А он сам разве не беглец, как они? Не от тягот ли и возможных преследований власти бежит он из Каменного города в эти просторы? Разве не похож он на Ермака Тимофеевича, который, не ведая, куда путь держит, сначала открыл Сибирь, потом завоевал её и в конце концов присоединил к России? Неосознанно, конечно. А он сам?! Ему доверяют, за ним идут эти простые казаки и степняки. Бродяги. Бесприютные... И если уж он сам доверил свою жизнь этим бродягам, так и поделом ему...

Обойдя небольшой лагерь, Пржевальский убедился, что все, кроме проводника, на месте. Уже в который раз этот шельмец – проводник-казах, не предупредив его, пропадает куда-то. Нигде не было видно и толмача-татарина. Пришлось будить Харитона, который спал под соседним шатром, где хранились боеприпасы. Денщик, подстелив под себя войлочную подстилку, подложив под голову подушку и укрывшись лоскутным одеялом, мирно похрапывал. Да, похоже, что тоже сильно устал, спал как убитый... От денщика разлило потом и прелой кожей, запахом овечьей шерсти.

Во время опасных и долгих экспедиций путешественник старался держать подчинённых в строгости и армейской дисциплине. Армейский порядок должен быть во всём. Подойдя поближе к спящему денщику, Пржевальский заметил в его изголовье кожаный корджун, из которого что-то выпирало. Харитон, обладавший чутким сном, к его удивлению, даже не шелохнулся. Вот он, кожаный корджун. «Чёрт его подери, теперь только не хватало грабежей...» От кого угодно, но от своего денщика-телохранителя подобного не ожидал. Сколько они троп прошли вместе... сколько раз стояли спиной к спине, спасая друг друга. Уж кто-кто, а Харитон-то должен знать, что он никогда и нигде, тем более в чужом краю, не простит и не позволит, чтобы его люди промышляли грязными делами, тем более грабежами.

– А-а-а! Это вы, Ваше... Ваше благородие!

Харитон проснулся, но, словно пьяный, всё никак не мог подняться с земли. Видно, крепким сном спал, бедняга...

Пржевальский спросил:

– Где он?... Куда пропал, я тебя спрашиваю?!

– Кто?... Вы о ком, Ваше благородие?

– Я про того шпиона! Где он?

– Какой шпион?

– Ты что, и в самом деле не понимаешь?

– Понял. Всё понял, Ваше благородие...

Схватив ружье наперевес, Харитон стал бегать по лагерю. Спустя некоторое время, всё осмотрев, он подбежал и вытянулся в струнку перед Пржевальским. Не переведя дыхания, приложил руку к козырьку:

– Проводника нигде нет, нигде не видно.

– Что же он, сквозь землю провалился?

Он вернулся на то место, где ещё недавно лежал Харитон. Что-то тут было не так... На глаза снова попался кожаный засаленный корджун денщика. От него, пропахшего конским потом, сильно пахло ещё чем-то.

Приказал развязать корджун. Харитон попытался поднять его, но он оказался настолько тяжёл, что, казалось, доверху был набит камнями. Пытаясь развязать кожаный мешок, денщик едва не порезал пальцы об волосяной аркан, которым был перевязан на калмыцкий манер этот чёртов мешок. Выхватив из ножен кинжал, Харитон одним резким движением полоснул по корджуну. И вдруг... Из разрезанного мешка, словно мячик, выкатилась голова, человечья голова. Пржевальский не помнил, как отскочил в сторону. Голова. Обычная голова... Только на макушке у неё красовался гребень, а вместо глаз... пустота. Дальше, не отдавая отчёта своим действиям, Пржевальский, высоко подняв вверх штуцер, несколько раз выстрелил в небо.

– Убью!.. Сволочь!.. – прорычал он. Потом выстрелил ещё раз... Уперев приклад ружья в плечо, продолжал стрелять в воздух.

– Что... что случилось, начальник?..

Все уже были на ногах, проснувшиеся казаки спешно подбежали к Пржевальскому и Харитону. Проводник-казах тоже был среди них, и именно он, схватив начальника за руки, не дал ему сделать очередной выстрел. Путешественник был зол на него, в особенности на себя за то, что позволил прикоснуться к его благородному телу.

– Голова!.. Голова! – прокричал он, отталкивая его от себя.

– Вы... вы про какую голову говорите, начальник? – проводник-казах поднял голову, вывалившуюся из корджуна.

В сердце Пржевальского похолодело: «С ума схожу, что ли?... Откуда этот страх? Страх...» Кажется, у казахов есть такая поговорка... или у русских. Как

же в ней было? Ага, вспомнил: «У страха глаза велики... Какие глаза? У этой головы были глаза или зияли чёрные дыры?..»

В этот момент казаки обступили проводника и стали рассматривать вещь, которую он держал в руках. Вдруг коренастый засмеялся. Сначала тихо, а потом всё громче. К его раскатистому смеху присоединились и казаки. Нахохотавшись и всё ещё персмеиваясь, они подошли к Пржевальскому.

– Возьмите вашу голову, начальник... – пробурчал проводник.

Подняв глаза, путешественник увидел в руках у коренастого статуэтку, играющую в лучах восходящего солнца золотом... Точнее, бронзовый бюст, на голове у которого красовался огромный гребешок, веки глубоко посаженных глаз были опущены, и казалось, что голова погрузилась в глубокий сон. То, что Пржевальский нашёл в корджуне, оказалось бронзовой головой Будды...

Взглянув на покрытое морщинами, словно сеткой, плоское лицо проводника, который с улыбкой протягивал ему бюст, Пржевальский замешкался. И раньше он подозревал, что этот казах понимает по-русски... А может, он сам всё понял без переводчика?

– Заберите эту голову, дорогой начальник... Отвезёте в свой каменный город. Всё-таки бронза лучше, чем полуистлевшие шкуры лошадей или чучела орлов и лебедей...

Харитон это говорил или проводник? В суматохе Пржевальский не различил, чей это был голос. Крепко прижав к себе штуцер, он спешно зашагал в сторону юрты. «Проклятая птица, подлый сыч!» – бормотал всю дорогу.

Казаки, проводник-казак и офицеры, всё ещё посмеиваясь, разбрелись каждый к своему биваку. Солнце показалось из-за горной гряды, начиная новый походный день.

2

Обычно у каждого человека есть дорогие сердцу вещи, с которыми никогда не хочется расставаться. Были такие вещи и у Николая Михайловича. Первой его вещью был пятизарядный штуцер, второй – костяная шкатулка, которая закрывалась маленьким медным ключом. И если штуцер охранял его самого, то заветный сундучок хранил различные находки, которые были просто бесценны с точки зрения науки. Ко всему прочему, на самом дне сундучка лежали аккуратно сложенные и пронумерованные личные бумаги и дневники. В минуты отдыха он частенько перечитывал старые записи, делал новые.

Расстроенный из-за недоразумения с бронзовой головой Будды, которую где-то подобрали проводник и Харитон, Пржевальский несколько часов делал записи в своём дневнике, хотя солнце уже стояло довольно высоко в небе и давно надо было выезжать.

Наконец, окончательно придя в себя, он, как всегда, перечитал написанное и спрятал дневник в заветный сундучок. Сегодня, решил он, они никуда не поедут, а останутся здесь, отдохнут. Должен же быть и у людей в походе выходной день. Тут ещё неожиданно занемог денщик, и Пржевальский приказал перенести его в юрту. На первый взгляд больного как будто бы ничего не беспокоило, но лицо у него было совсем бледным и отрешённым. Всё же не зря кричала прямо над его юртой недобрая птица сыч...

К вечеру мысли настолько заняли его, что Пржевальский даже забыл погасить уже начавшую чадить свечу. Ни в слабо освещённой юрте, ни снаружи не было слышно ни звука. Тишина. Вдруг ему показалось, что лежащий в углу юрты Харитон перестал дышать. Приблизившись к нему, стал всматриваться в его лицо, пытаясь расслышать звуки дыхания. Глаза денщика были закрыты, на лбу проступила испарина. Тогда Николай Михайлович сбрызнул его

лицо уксусом, и лишь после этого услышал слабый стон. Очнувшись, Харитон открыл глаза и удивлённо посмотрел на него, потом молча отвернулся...

Пржевальский почувствовал, что на этот раз он виноват перед своим верным и преданным телохранителем. Но как и от какой болезни лечить денщика? Взяв тёплое одеяло, лежавшее поверх тюков, накрыл им Харитона. В этом подлунном мире у каждого своя судьба, и каждый должен знать своё место и, возможно, свой час.

Он и раньше чувствовал, что между людьми есть неведомая сила, которая являлась своего рода средством общения, средством, которое ставило каждого человека на его место в обществе. Хотя Пржевальский и относился к высшему обществу, вращался в таких кругах, где не каждому дозволено быть, но всё же он не мог понять, откуда берёт начало этот пресловутый закон. А ведь это уже не в первый раз, когда он пытался отыскать истину. Искал он её и в Европе, и в Сибири, а теперь вот в поиске всё той же правды жизни поворотил своего коня в Азию... Изъездив чуть ли не весь континент, понял лишь одну истину. Во время своих путешествий встречал на своём пути многих людей, которые считали, что каждый из них принадлежит к великому народу. Если так, то что же получается?... Даже сильный и властный по своей натуре великий Чингисхан, достигший самой вершины власти, единственное, что смог сделать, так это привести в порядок армейский строй и распределить обязанности между воинами. Не более того. Десятник... Сотник... Тысячник... Десятитысячник – туменбасы...

На первый взгляд всё кажется очень простым. Всё начинается с десятка людей, и вполне вероятно, что уж с десятью своими подчинёнными поставленный во главе их человек найдёт общий язык, сможет управлять этой небольшой кучкой людей. Начав с десятка, можно вскарабкаться на самую вершину власти, если повезёт. «До вершины, на которую взлетает орёл, доползёт и змея» – кажется, так говорят казахи... А дальше, конечно, его величество время само расставит всё по местам и покажет, кто из людей орёл, а кто змея. Если подразумевать всю эту власть, то что такое власть?... Какой прок от того, что в своё время Чингисхан и его дикая орда захватили полмира? Не потому ли некогда бесстрашных монголов сегодня влачат жалкое существование?... Вот тебе и бывшее величие предков, бывшая власть... Да что там монголы. Какая неведомая сила поддерживает Российскую империю, которая за свою историю тоже немало хлебнула горя? Откуда берёт она силы, чтобы не сгинуть в пучине лет? Ведь все годы, которые он провёл в экспедициях и походах, он спиной чувствовал зоркое око империи, которое неустанно следило за ним, где бы он ни находился... Двадцать с лишним лет тому назад ему всё казалось предельно ясным. Во главе империи – царь, самодержец, за ним дворяне, в том числе он, офицер от инфантерии Николай Михайлович Пржевальский. За ними – землевладельцы, помещики. Потом разночинцы. Потом уже народ, самая низшая ступень общества. И все ждут крестьянской революции, бунта бедных...

Пржевальскому казалось, что революция произошла бы неотвратимо, если бы не реформа шестьдесят первого года. После отмены крепостного права власть государства не ослабла, а наоборот, окрепла, даже уверенно расправила свои крылья. Рабство, как позорный пережиток прошлого, было уничтожено. И великая империя, победив во французских и турецких войнах, сильна как никогда. А понимают ли люди, что сегодня он оказался в далёком, никому не известном краю во имя Великой империи?

Слава богу, честь и достоинство России крепнет день ото дня благодаря той самой реформе. К чему пытаться достать с небес луну народу, который столетиями привыкал к рабскому ярму? Бедному народу всё равно, что воля,

что неволя. Свобода – она подобна миражу в пустыне. А за этим миражом или голимая степь, или жаркая пустыня, по которой бродят дикие верблюды или гуляют дикие лошади... Тяни, не тяни руку к миражу, всё равно не достанешь.

Но вот мало было империи своих бедных крестьян, так к ним надо было добавить украинских, польских и белорусских. А на Волге живут калмыки, эти бесчисленные торгауты и хошоуты. Их собратья дурбиты, шоросы и олюты живут на Алтае. Рядом с ними – степняки, российские киргиз-кайсаки, истинное название которых «казахи», почти как «казаки». И все в массе своей живут в невероятной бедности. Многое объединяет эти народы и племена: общий язык, быт, культура, лишь только разного вероисповедания придерживаются они. И все теперь входят в состав Российской империи... Будущее покажет, зачем им всем надо было объединиться под трёхцветным флагом России... И все эти народы схожи с семенами диких растений, которые развеял ветер по просторам необъятной степи. Несмотря на все невзгоды, эти народы от Алтая и до Астрахани разрознены, и у них не угасают межродовые распри. Вероятно, эти народы являются историческим примером единственного и правильного закона природы, закона естественного отбора, закона выживания. Похоже, универсальный закон естественного отбора Дарвина распространяется и на человеческие сообщества. Более сильный берёт верх над слабым существом, и только он имеет право жить в суровое время. Какой из этого можно сделать вывод?

От мыслей его отвлек Харитон, который силился встать и при этом бормотал: «Будда. Будда...» Пржевальский подошёл к своему денщику и, схватив его за одежду, встряхнул, словно тот был тряпичной куклой.

– Какой ещё Будда? – переспросил он калмыка.

Харитон наконец-то пришёл в себя. Его голос был слабым, но Пржевальский расслышал.

– Буд-да... – просипел он. – Верните мне Будду, Ваше благородие...

Пржевальский разжал пальцы и отпустил Харитона. Похоже, денщик бредил... «Проклятый сыч, подлая птица. Да что за день сегодня такой? Когда же закончится этот кошмар?»

– Про какого Будду ты говоришь?

– Будда... Тот, что лежит у вас в перемётной суме... Верните его. Ведь вам он без надобности.

Взглянув на смотрящего на него с мольбой денщика, задумался. Он знал, что алтайские калмыки были буддийской веры. Но до этого как-то не замечал, чтобы Харитон так переживал за какую-то религию, тем более за какое-то имущество. Да и зачем ему голова Будды? И без того служивые люди ни в чём не нуждались. Или это ему казалось, что его забитый жизнью денщик ни в чём не нуждается? Это был не тот человек, которого он знал уже много лет.

Харитон... Попал к нему ещё до реформы. Помнится, как выпросил он его у одного знакомого помещика. Калмык был очень молод и приглянулся своим тихим нравом и недюжинной силой. С первых же дней Пржевальский воспринял Харитона как родного, привязался к нему. И хотя сам он не очень-то веровал в Бога, но всё же отвёл его в церковь, где его крестили... Позже и «Отче наш», и другие молитвы выучил Харитон. В походах и экспедициях они не раз оказывались в трудных ситуациях, не раз спасали друг другу жизни. Разве можно забыть такой случай, который произошёл с ними во время их первой экспедиции на Тибет. Тогда они с шашками в руках одолели восьмерых, которые были вооружены пиками...

– Ты что, забыл устав? Зачем тебе эта голова?

– Нет, не забыл, Ваше благородие... Я отдам вам всё своё добро, что нашёл. Лишь верните мне Будду.

– Ты прости меня...

– Что вы, Ваше благородие... Это вы меня простите, больше ни о чём вас не попрошу никогда.

– Ты меня не так понял... Я хочу, чтобы ты вернулся со мной на родину. Ты – на Волгу, я – в Симбирово.

Ранее никогда и ни при каких обстоятельствах не просил он у денщика прощения. А тут пришлось...

В юрту спешно зашёл толмач-татарин и стал докладывать:

– Я беседовал с проводником, Ваше благородие. Оказывается, той ночью в Устькамане они с Харитоном ходили в калмыцкий брошенный храм, что на том берегу. Видно, хозяева бежали...

– Что они там забыли?

– Судя по всему, Харитон уговорил проводника: «Покажи мне Будду, хочу поклониться».

– Ну и как? Поклонился?

– Поклонился, Ваше благородие. И не единожды... то ли шестнадцать, то ли семнадцать раз.

– И что, кто-то всё это считал?

– Зачем считать, Ваше благородие... По словам Алдиярыча, просто там, в храме, было семнадцать статуй Будды.

– Вы свободны! – буркнул Пржевальский, поворачиваясь к лежащему на постели в беспамятстве Харитону.

Толмач-татарин хотел выйти, но Пржевальский жестом остановил его:

– Приказ! Передай казакам! Остановимся здесь... Пока он не выздоровеет.

Он взглянул на Харитона. В глазах денщика, кажется, появился блеск. С трудом попил воды, которую ему дал начальник. По тому, как он судорожно и жадно глотал воду, было видно, что возвращается к жизни.

День за днём Харитон начал поправляться. Пржевальский сам ухаживал за ним так, как за ним в своё время ухаживал его денщик. Однажды утром, пока денщик спал, при свете свечи решил перечитать то, что записал своим корявым почерком вчера. «...В 1877 году в качестве проводника, который должен был показать нам дорогу от Кульджи до Гучена, мы взяли казаха из Зайсанского пристава Мырзаша Алдиярова. Этот казах очень хорошо знал приграничные окрестности северной Джунгарии, так как долгое время занимался в этих краях барымтой, то есть кражами лошадей. Всем известно, что подобным промыслом киргизы и казахи занимаются испокон веку. Следует отметить, что среди местного населения самые смелые и отчаянные барымтачи в почёте. Ну а Мырзаш благодаря своим подвигам и богатырской силе был прозван батыром. Так вот, этот батыр (на тот момент ему исполнилось 53 года) рассказывал, что за всю свою жизнь угнал более тысячи голов скота; а также о тех трудностях, которые он пережил, и о своей счастливой и весёлой жизни в степи. Но как бы он ни хвастался своей удалью и везением, шрам от топора на его лице говорил о том, что не всё проходило гладко. Как проводник он оказал нам огромную услугу, хотя и приходилось держать его в ежовых рукавицах».

Дойдя до этого места, Пржевальский представил в памяти образ проводника. Не зря говорят, что истинное лицо человека можно узнать в минуты опасности. И если это была правда, то жаль, что он не смог познать в долгом и трудном походе, каков он, этот странноватый своими повадками казах, привыкший к разбойной вольнице... В памяти путешественника ещё свежи были случаи, когда проводники обманывали его. Но и он не оставался в долгу, наказывал. А с этим пока всё хорошо, ничего противозаконного он не совершил... Вышли они с коренастым казахом из Зайсана, предстоит им перейти через Хами на Тибет...

Утром Пржевальский проснулся от шагов рядом с юртой. По звуку шагов узнал Харитона. Поднявшись с походной железной раскладной кровати, покрытой войлоком, взяв в руки неизменный штуцер, вышел из юрты.

– Ваше благородие, Алдиярыч вернулся. Седлает жеребца... Может, привести его к вам? – доложил выздоровевший денщик, вытянувшись перед ним.

– Приведи сукина сына. Хотя нет...

Посмотрев в сторону, заметил, что коренастый казах нетерпеливо кружит, сидя на своём жеребце-великане.

– То, что вернулся, это хорошо... Не спускай с него глаз. Мы должны узнать, где его опять черти носили...

3

Снова начался изнурительный и скучный переход. По старой привычке и в этот раз Пржевальский внимательно осматривал караван. Изначально уделил внимание отаре овец, плетущейся в конце экспедиции. Интересно было наблюдать за этими созданиями, которые шли, понунив головы, словно что-то потеряли. Им всё равно, что есть, сочную траву или различных мелких букашек, всё, что попадётся. Это не лошади, для которых трава должна быть самая сочная, а если вода, то обязательно чистая. У овец одно предназначение, рано или поздно все они попадут в казан. Овцы – это еда, которую не надо везти на себе, она сама на своих ногах будет идти туда, куда её отправишь.

Как человек, большую часть своей жизни проводивший вдали от цивилизованного общества, путешественник считал себя знатоком степняков. И эти туземцы знают, что где-то там есть их благодетель, белый царь. Вдали от цивилизации рождаются они, живут, умирают... Два полюса человеческого общества: закопчённые войлочные юрты кочевников в степях Азии и огромные каменные дворцы в городах Европы. Минует много лет, и неумолимо наступят совершенно другие времена для этих народов. Пройдут годы, десятилетия, изменятся порядки, законы, люди, общество... Неужели эти степняки думают, что ничего не изменится, что они так и будут, как и сто-двести лет тому назад, беззаботно кочевать в отрогах Алтая?.. Когда-то, спасаясь от огнедышащего дракона с Востока, потеряв половину народа в войне с джунгарами, они сами добровольно перешли в подданство России. А понимают ли они, что, спасаясь от одного опасного врага, они попали в лапы другого?.. И это был уже не узкоглазый дракон, а тот самый огромный когтистый медведь... Интересно, понимает ли этот коренастый казах, что он, Пржевальский, здесь не просто глаза и уши медведя?.. Он сам тот же раб, что и казах, однако раб, к словам которого прислушиваются люди, стоящие над ним высоко и вершащие судьбы всей империи?..

Дальняя дорога всегда сулит опасности. Не раз он ошибался в пути. Многому, очень многому научился за эти годы. В отличие от азиатов, которые обычно верили только тому, что видели глаза, привык доверять своей интуиции, прислушиваться к внутреннему голосу. И сейчас тоже отчаянно пытался расслышать этот голос.

Взгляд Пржевальского от овец перешёл к верблюдам, этим огромным животным, кораблям пустыни с кротким нравом. Они и в этот раз смотрели на мир свысока, с едва скрываемым презрением ко всему окружающему. Глядя на этих невозмутимых созданий, путешественник невольно сравнил себя с ними. И как это он раньше не замечал, ведь он, как и эти двугорбые, всю свою жизнь проводит в дороге. Словно что-то манило его в неведомые дали, в непроходимые лесные чащобы, высокие горы и вымершие пустыни. Вечный странник. И был он не диким верблюдом, которого упорно искал долгие годы, а именно

вот таким, как эти, ручным. Самый что ни на есть домашний дромадер, с чёрной, дублённой ветрами шкурой, со стёртыми в кровь подошвами ног, слуга своего времени и власти, которая, как погонщик, гнала его безостановочно в походы, переходы, на перевалы, в горные ущелья. От этих ироничных мыслей он скривился, как будто поел кислых ягод. Ладно бы, если приручённым был он один. Все его современники, друзья-товарищи, обласканные правителем, изо дня в день ведущие дела государевы, тоже были такими же, как он. Приручённые, одомашненные верблюды, лошади. Но ведь человек, хоть и животное, но разумное существо, что ни говори, творение Господа, как и всё живое. Интересно, а его товарищи тоже так думают, или же, как и волы на пашне, смиренно подставляют свою шею под ярмо?..

Снова подумал про проводника, которого что-то не видно с самого начала пути. Наверняка ускакал далеко вперёд. Этого человека с лошадиными скулами, с нравом дикого жеребца сравнил бы с конём. Для крупного и диковатого казаха не было лучше сравнения. И похож он был не на благородного туркменского ахалтекинца или арабского скакуна, а на обычного казахского своенравного и необузданного жеребца. Такая метафора ему понравилась, и он даже усмехнулся в свои огромные усы.

4

Предавшись думам, Пржевальский не заметил, как оказался во главе каравана. Подняв голову, увидел перед собой ту самую жёлтую долину. Здесь не было сочного и густого травостоя, который они видели до этого. Не было и гор, отчего казалось, что небо здесь намного выше. Пропало всё огромное, что окружало их до этого дня. До самого горизонта бледная степь. И больше ничего...

И вдруг там, где небо смыкалось с землёй, примерно на расстоянии выстрела из ружья, показался проводник на своём жеребце. Что-то странное было в походке жеребца и в посадке коренастого казаха. Пржевальский, решив догнать проводника, пришпорил коня. Это удалось ему быстро, поскольку проводник ехал медленно, почему-то свесив голову на бок...

Подскакав к нему, разглядел не плоский борик-малахай, а лисий тымак, который был на голове у казаха, несмотря на жаркую погоду. Лицо его было всё в поту, а глаза закрыты... да, закрыты. Неуклюже сгорбившись в седле и уронив голову на грудь, он тихо спал... Спал так крепко, что даже не шелухнулся, видимо, не услышал топота коня.

«Так куда же он нас ведёт во сне-то?» Уперев ноги в стремя, Пржевальский привстал во весь рост и с отяжкой вытянул проводника камчой вдоль спины. Не ожидавший удара, коренастый встрепенулся и отчаянно завертел головой. Увидев хмурого и готового ударить ещё раз начальника, проводник... почему-то зевнул.

Иногда нравом начальник был крут, даже казаки и солдаты побаивались его. А проводник продолжал зевать, глотая холодный утренний воздух, протирая глаза тыльной стороной ладони. Пржевальский вдруг перестал гневаться и захохотал...

Коренастый, внимательным взглядом оценив возможности противника, подумал: «Я что ему, невольник, раб, которого можно хлестать кнутом?.. Подумаешь, офицер. Подумаешь, могучий... Как казахи говорят: “Большой верблюд – хорош на обед, большой человек – овечий помёт...” Проткнуть, что ли, его пикой и отправить на небеса? А может, сдёрнуть его с седла и подмять под колено?..» Но тут послышался топот копыт, к ним подскакал Харитон, и все глупые шальные мысли вылетели из головы. Проводник невинно рассмеялся и, показав себе на спину кнутом, буркнул:

– Шуба... Не больно. Вот напугал, это да! – и снова рассмеялся.

Обратную дорогу так они и ехали, хохоча, как ненормальные.

По дороге казах завистливо поглядывал на штуцер начальника, висевший у того за спиной. Вспомнил, как он с трёхсот метров сразил орла наповал... Да, орла... Казахи не убивают орлов, ловят их ещё птенцами, приручают, охотятся с ними, а когда птица состарится, отпускают на волю. Подстрелив благородную птицу, эти твари обычно делают из неё чучело, которое теперь свисает с вьюка одного из верблюдов.

Конечно же, пика и старое ружьё проводника не шли в сравнение с новеньким штуцером Пржевальского. Ох, непрост этот дородный русский, непрост... Один вид его чего стоит: исполинский рост, огромные густые усы, холодный взгляд...

Когда к ним подъехал толмач-татарин, Пржевальский решил расспросить проводника, куда он, в самом деле, ведёт их с закрытыми иной раз глазами? Пришлось сделать привал, чтобы всё выяснить.

Когда коренастый начал говорить, глаза толмача от удивления расширились и он заёрзал в седле... Когда же, как всегда, запинаясь, он перевёл услышанное, теперь удивился Пржевальский и даже побледнел... Работая со многими проводниками, такого ещё не встречал. Толмач-татарин перевёл ему, что этот казах... вообще не имел понятия, в какой стороне Тибет... К тому же последние несколько дней он вёл их по неизвестному даже ему пути. Оказалось, что ночами он уходил на разведку, искал тропы, осматривал окрестности. В лагерь возвращался всегда под утро. Для его сильного коня пробегать каждый день по тридцать-сорок километров не составляло труда. А днём, когда они трогались в путь, он выезжал впереди каравана и тихо похрапывал в седле. А жеребец, прошедший эту самую дорогу всего каких-то пару часов тому назад, покорно топтал тропу снова. Так что вёл их всех вперёд скорее конь, чем проводник...

Пржевальский немного растерялся. Надо отдать должное проводнику-казаху. Этот человек в ночной тьме, не заблудившись, каждый раз отыскивал дорогу, по которой ранее кто-то до них проходил. В чужом краю... Без компаса, без точных знаний, только по следам и приметам. Значит, он целиком полагался на своего коня... Да, на коня! На его чутьё. На природный дар. На то, что лошади всегда могут найти дорогу...

«И куда же мы теперь придём?» – возник у него вполне резонный вопрос.

Пржевальский, наконец, пришёл в себя:

– Не знаю, кто здесь умнее, он или его конь... Но я больше не доверяю этому казаху, – буркнул он. – Напишите портрет этого обормота... Если он ещё раз нас обманет, я его из-под земли достану, семь шкур с него спущу, расстреляю, наконец...

5

Когда по приказу начальника прапорщик Роборовский раскрыл свой планшет и, поглядывая на проводника, стал рисовать, казах недовольно прогундел:

– Я что, тёщу твою за ноги, животное или насекомое какое, растение, чтобы меня рисовать?..

– О чём он гундит, а?

– Он говорит о том, что мусульманам не положено изображать людей на картинах, этого Коран не велит... – встрял в разговор толмач-татарин.

– А, ты тоже хочешь быть магометанином?.. Ну-ка давай, отрежу по самый корень всё, что у тебя в штанах, – буркнул, взъярившись, Пржевальский, выры-

вая из ножен кортик. – Ты что, заступаться решил за него? Рисунок нам нужен для того, чтобы все знали в лицо негодяя, который завёл нас неизвестно куда.

– Боком... Боком. Сядьте в профиль... – говорил притихшему было проводнику Роборовский, тыча протянутой рукой ему в шапку.

И тут Алдиярыч, до сих пор еле сдерживавший себя, взорвался:

– Ты голову мою рисуй, какое тебе дело до моей шапки, тещу твою!..

Роборовский рисовал долго, более часа. Устав сидеть неподвижно, да ещё и молча, проводник принялся напевать: «О-сед-лал я-а-а... бело-но-гого... сиво-го ко-ня... Из под копыт ко-ня взметнулась ввысь... пестро-крыл-ая куро-патка... и по-ле-тела она ко мне».

– О чём он поёт?..

– Поёт, что оседлал сивого... Не-нет... Скорее, коня с белыми ногами... Из-под копыт его коня вылетел пестрокрылый...

Знаток птиц Роборовский поспешил вставить слово:

– Вероятно, он имеет в виду обычного афганского пестрокрылого воробья...

Пржевальский, вглядываясь в своего помощника, обратил внимание на острый, как у птицы, нос прапорщика и глаза, как бусинки. Если он сам похож на верблюда, казах – на лошадь, то прапорщик очень смахивал на птицу... Обычная перелётная птица, которая не признаёт никаких границ между странами. Вольная птица, которая, перелетая через территории трёх государств, проводит зиму на теплом континенте, в Индии.

– Афганский, говоришь, воробей?.. А что, если мы ошибались, прапорщик, и вот этот экземпляр вовсе не китайский, а афганский, то есть английский шпион?..

Пржевальский сам не поверил тому, что только что сказал. Сердце его похолодело... Британцы орудовали во многих восточных мусульманских странах, их разведчики наблюдали за каждым шагом России в этом направлении. Не приведи господь, чтобы это услышал царь или департамент разведки. Что, если Роборовский донесёт, что их вёл неизвестными дорогами проводник, нанятый английской разведкой...

Он с опаской посмотрел на прапорщика, продолжавшего рисовать. Если уж этот знает, откуда и куда, когда и где летает афганский воробей, то про опытного проводника и говорить не стоит. Но Роборовский был увлечён рисунком, и это успокоило Пржевальского. Нельзя же быть подозрительным до такой степени.

– Я никак не могу понять, почему казахи так часто употребляют слово «пёстрый» и «сивый»?.. Что оно вообще для них значит? Опять какое-то магическое слово?

– Ваше благородие, вы же знаете, что я больше разбираюсь в птицах, растениях и диких животных. А что касается лошадей, тут я вам не помощник... Единственное, что я знаю, что у казахов и у татар есть поговорка: «Лошадь – пестра снаружи, а человек – изнутри». Думаю, что это означает: «Не стоит верить человеку на сивом мерине». Европейцам так понятнее, нежели пытаться понять логику восточного человека... И, как мне кажется, лучше не доверять этим казахам.

– А что значит сивый?.. Разве в природе бывает сивый конь?

– Вероятнее всего, человек на сивом коне... Значит, на пёстром.

– Ну вы и скажете...

Попробуй тут угадай, о чём думает народ, у которого всё пёстрое. И степи, и лошади, и птицы. Всё... Даже горы, окутанные белыми облаками, называются Алатау, то есть пёстрые... А в низовье этих гор находятся те самые Джеты-огуз – Семь быков, а может и Семь огузов, которые так часто снятся

ему. Семиречье. Семипалатинск... К чему бы это? А может, его приворожили, связали его с этим числом семь? «Человек – пёстрый изнутри». Действительно... Как можно понять людей, которые, поминая добрым словом Аллаха, сами поклоняются, как язычники, огню и воде?

Посмотрев на прапорщика, который продолжал увлечённо рисовать портрет поющего казаха, Пржевальский сказал:

– Нужно отправить его назад, к своим... Дорогу сами найдём... По компасу и картам.

А коренастый казах сидел, как ни в чём не бывало, и продолжал петь. «Еби-аумайт...» Услышав последние слова непонятной песни, Пржевальский, покраснев, повернулся к толмачу. Тот, всё это время сидевший молча, рассмеялся.

– Почему матерится? Что именно говорит? Переведи немедленно! – раздражённо потребовал Пржевальский.

– Да это всего лишь рифма... Да у них все песни такие, Ваше благородие, – оправдываясь, ответил толмач-татарин. – Прямо как ваши частушки... – Он не стал объяснять, что эту песню Мырзаш-батыр сложил, когда они были в Кендирлике, в том самом селе возле Зайсана. Да, помнится, именно эту песню он сочинил, когда увидел на казачьей станице казачек с накрашенными губами и завитыми волосами. Как же там было?.. «Ой-ей... подо мной... сивый конь... Прямо из-под ног моего скакуна... вылетел пестрокрылый... ой-е-е-е... смотрю я на деревенских девок... спереди – молодка, сзади – баба... ебиаумайт... Ой-е-е... эге-ге...»

Да... Никак не ожидал он от простоватого на вид казаха подобных выходов. Выходит, кого из них ни возьми, все они творцы, акыны-поэты, понимаешь...

Блики заходящего за горизонт солнца поблёскивали на водной глади озера Гашун-нор, до которого экспедиция дошла к вечеру. «Как в воду глядел», говорят в таких случаях русские. Под сердцем у татарина ёкнуло. Всё предельно ясно. После всего случившегося начальник не оставит подле себя проводника. Это суровый и строгий закон дальних походов. Вот сейчас офицеры в шатре посовещаются и решат. Интересно, что они сделают с казахом?

Предчувствие его не обмануло. Вскоре люди, сидевшие в шатре, вышли наружу. Прапорщик, словно совершил великое дело, сиял как начищенный медный самовар, держа в руках портрет проводника. Обычно человек беззаботный и безразличный ко всему, коренастый на рисунке выглядел каким-то грустным, даже печальным... А может, именно таким он и был на самом деле, и лишь художник сумел его разглядеть...

Проводник подошёл к стоявшему неподалёку скакуну, с которым делил и радости, и горести пути. Тот, словно чуя предстоящую дальнюю дорогу, в нетерпении бил копытом. Рядом с конём стоял весь какой-то скукоженный пси-на-тобет. Тоже в дорогу собрался. Почему-то мелькнула мысль, что вот этот безухий и бесхвостый пёс, который в молодые свои годы разгрызал на лету бросаемые ему огромные посылы, боялся только вооружённого ружьём человека. Пржевальский снял с пояса револьвер и передал его проводнику:

– Оставь этого пса, Мырзаш Алдиярыч, – обратился он.

– Душа не лежит его бросить, начальник... – ответил проводник, глядя с жалостью на собаку. – Знаешь же, что боится он человека с ружьём. Разве что ты сдерёшь с него шкуру и отправишь в свой Каменный город, а так толку от него тебе не будет.

– Ты что, забыл, чья это собака, Мырзеке?

– Собака, как человек, принадлежит не тому, кто её купил, а тому, кто приглядывает за ней, разве ты это забыл, начальник?

– Что вы всё про какую-то негодную монгольскую собаку... – начал было толмач-татарин, но осёкся, встретив холодный взгляд проводника.

– Никакая не монгольская! Не видишь плоский, пегий лоб, скотина ты эдакая? Это наша собака... Нашей породы.

– Пёстрый... Пёстрая птица. Пегий... Пегий жеребец... Теперь ещё и пегого пса не хватало. Ты вообще какие-нибудь другие цвета различаешь, Алдиярыч? – хотел перевести всё в шутку толмач-татарин.

– Что тебе сделали пегие и саврасые, негодник ты эдакий... Лучше посоветуй своему жирному начальнику повесить мой портрет на стене своего дома. Это всё лучше будет, чем любоваться на лохматого, нестриженого их бога.

– Да это я так, к слову... Просто ты всегда поёшь про одно и то же... про пегих да саврасых. Других песен не знаешь? – прогундосил толмач-татарин.

– Пегие и пёстрые, говоришь? Жёлтый цвет тоже знаю. Почему не знаю... Вот слушай... Как всег-да оседла-ю я те-бя... легконогий мой игре-не-вый жеребец... Доро-га ты серд-цу мо-ему... Мил-ая мо-я... дедім-ай-ау... Когда думы про теб-я, эй, красави-ца... То не лезет в глотку мне ка-ша просян-ая... ой-е... Что ты вот ко мне лезешь... Разбередил душу, зараза.

Пржевальский улыбался, смотря, как его проводник, обычно слегка заикавшийся, мягко картавящий при говоре, при исполнении песни раскраснелся, весь раскрылся, полетел. И вдруг весь поник и тяжело вздохнул. Удивительно, сколько всего неведомого творится в душе у этого кряжистого, продублённого степными ветрами, почерневшего от снежных бурь и невзгод человека.

– Что ты вылупился на меня, как будто впервые увидел, тещу твою? В гробу я видел всю эту вашу экспедицию... – понизив голос, сказал проводник.

Пржевальский и Мырзаш неожиданно тепло обнялись.

Толмач-татарин глядел и не понимал, как это никогда ни перед кем, даже из властей предержавших, не склонявший голову его породный начальник и этот неугомонный коренастый казах так тепло прощаются. Недоумевал, за какие такие заслуги Харитон вынес из походного шатра несколько баулов и разложил их в перемётные сумы сизого жеребца в подарок проводнику. Два спутника, два героя, два друга стояли и молча смотрели друг на дружку. И столько было невысказанного в их взглядах... «Может, останешься?» – читалось во взгляде начальника. Так вот оно что! Начальник, оказывается, всё прекрасно понимает по-казахски! «В следующий... в следующий раз ещё встретимся», – говорили глаза проводника.

Тем временем Алдиярыч, тот самый коренастый казах, сел на своего коня и вопросительно посмотрел на свёртки.

– Ну что ты, ей-богу, словно впервые меня увидел? Там для твоей старухи на несколько жизней хватит, материал... Вези... пусть обрадуется... – говорил Пржевальский, поворачиваясь к татарину, чтобы он перевёл.

– Зачем татарину и казаху переводчик? Чтобы обвести вокруг пальца русского начальника. Мы и сами неплохо знаем язык... хе-хе, – засмеялся казах. – Премного... премного благодарен, начальник. Но на этом и остановимся, пожалуй, – сказал потом, уже в седле, а наклонившись к татарину, зашептал ему на ухо: – Кстати, если найдёшь по дороге многолетнюю пшеницу... Хоть немного, хоть горсточку захвати. Понял, тещу твою?.. Надо, надо найти эту пшеницу, от неё зависит судьба наших.

Пришпорив своего жеребца, с криком: «Чу-у!..» – казах растворился в ночи. Лишь слышалась его песня: «Во время кочевки пере-гон-яю лоша-дей... В твой аул поеду-у по степи-и... Как только вспомина-ю о те-бе... ми-лая мо-я... Так сразу же впадаю в тоску...»

– О чём он поёт, паршивый?.. – спросил Пржевальский.

– Поёт о том, что, оседлав своего сивого, поедет в аул... Ну, а так как он собирается ехать обратно не по горам, а по равнине, то мне кажется, что его невеста живёт где-то в окрестностях Усть-Камана...

На какое-то время всё вокруг стихло, но вскоре снова раздался голос ухившего всё дальше от них проводника. «Си-зый во-рон кру-жит... в небе-сах... Как ни старай-ся, не дог-нать... си-зого ко-ня...»

– А что на этот раз?

– Да про ворон. Пегую или сизую ворону... Потом про лошадь... Про хорошего скакуна, который на скаку может поймать птицу за хвост...

«Людская любовь интересна... Чужая жена не может стать для тебя родной. Словно дикий птенец, пригретый на груди...» – казах всё продолжал своё пение в ночи. Похоже, он, спускаясь с гор вниз, объезжал какие-то скалы, невидимые от места стоянки лагеря, поэтому его голос то приближался, то удалялся в ночи... Наконец, люди из экспедиции перестали слышать далёкую песню.

Солнце, не желавшее уходить за горы, теперь цеплялось своими лучами за облака, освещая их снизу. Только в горах можно было наблюдать такую картину.

«Ну что это за народ, у которого всё пёстрое... Пёстрые птицы... Кони... Степи... Даже закат...» – снова подумал Пржевальский. Он сам выгнал обманщика-проводника из лагеря и теперь сам же жалел об этом. Послать, что ли, за ним и вернуть? Но в этой темноте любой казак сойдёт с пути, а то и лошадь покалечит, переломает ей ноги... Что ж, будь что будет...

Защемило в груди. Как там у них в таких случаях говорят... «Лә иллаһа-иллалла», кажется. Лә иллаһа-иллалла!.. А ещё... Пегий... Да, да... Птицы пегие, пёстрые, кони чалые. А в итоге получается – это цвета природы, которая расцвечена всеми цветами радуги. А говоря словами казахов, всё вокруг пёстрое, алое... «Во всём плохом есть немного хорошего», – так, кажется, они говорят. И у природы так же; где-то хорошо, где-то плохо. Неудивительно, что и среди людей есть добрые и злые. Вот тебе и закон равновесия в природе... Тогда за каким лешим он погнался в далёкий Тибет, если закон природы, вот он. Здесь...

Действительно, для чего рисковать жизнью, идти в неизвестные страны? В поисках чего? Правды жизни? Так вот же она. Ну хорошо, если бы он один не видел этого. А куда смотрят другие учёные? Или они все ослепли?.. Какой смысл разгадывать загадки природы, когда вот эти, всегда живущие здесь люди, и без того всё знают, живут этим? Живут природой и сами являются природой. Да... вот тут себя умным назвать язык никак не поворачивается... Те же казахи, говоря «ала» – «пёстрый» кажется, имели в виду белый, да, белый цвет, значит, душу человека. И хотя они все пёстрые снаружи, душа у них действительно белая, невинная... И что же ждёт этих простодушных, как малые дети, людей в этом качающемся, как горбы их верблюдов, мире?.. Что с ними будет в будущем?

В памяти всплыл сон, виденный им в ночь, когда они пересекли границу. И сон-то был цветной... «ала», как бы сказал его проводник. Ему снилась иссиня-бирюзовая гладь Иссык-Куля и раскиданные, разломанные скалы Джеты-Огуза, что у подножия казахско-киргизского Алатау. Да... у подножия Алатау.

Покачиваясь, Пржевальский прошёл к себе в юрту. Присаживаясь за стол, обратил внимание на придавленный сверху кошмой ящик – засекреченная посылка из Санкт-Петербурга. Из-под задравшейся кошмы на него смотрел проваленными, пустыми глазницами череп. Череп человека... Часто саднившее в последнее время сердце его снова предательски кольнуло в груди.

Эпилог

Алкисса. Так вот о чём была эта история; за сто сорок пять лет до этого дня лелеявший мечту найти в бескрайних степях и долинах Средней Азии сказочную дикую лошадь породный русский, он же Пржевальский, его соратник и помощник – прапорщик Роборовский, а также их переводчик-татарин и денщик торгоут-калмык Харитон отправились в своё удивительнейшее приключение к далёким и манящим горам Тибета, преодолевая тяготы и лишения, кручи и пропасти Алтайских перевалов. Эта история и о том, как казах по имени Мырзаш, сын Алдияра, житель Тарбагатая, отправился с ними через Алтайские горы на поиски семян многолетней пшеницы, чтобы спасти свой народ, который каждую суровую зиму погибал от бескормицы суровых джутов...

Прося извинения, в этом месте, уважаемый читатель, нам бы хотелось познать вас с предысторией этого произведения.

...В так называемое «советское время» наши соотечественники изучали историю Казахстана по тонюсенькой брошюрке. Мы проходили этот предмет в качестве факультатива. Помню, со страниц этой книжечки на меня впервые взглянул похожий всем своим видом на Сталина-вождя крепкотелый человек с большими усищами, и рядом с ним на фото – коренастого вида казах. На следующей фотографии красовалось небольшого росточка животное, похожее на наших аульских ослов. Надпись внизу гласила, что это – «лошадь Пржевальского». В то время, как и многие мальчишки, я грезил дальними странами и увлекательными, полными приключений путешествиями. Читал запоем все книги на эти темы. И всё чаще и чаще поглядывал не на своего соплеменника в тёмном борике-малахае, а на фото этого таинственного русского, открывшего миру «дикую лошадь»...

Шло время, я, с лёгкой руки судьбы, объездил полмира. Сколько раз побывал на Иссык-Куле, сколько раз посещал музей великого путешественника на берегу озера, не помню. Но никогда не знал, что когда-нибудь обращусь к этой теме, согревавшей меня всё моё детство.

...Местные жители называют его то Иссык-Куль, значит Тёплое озеро, то Каракол, значит Чёрное озеро, эту жемчужину, спрятавшуюся у подножия завёрнутых в белые шали снегов гор Алатау. Недалеко от пронзительно-прозрачных и холодных вод этого озера, буквально податъ рукой, есть отдельно стоящая сопка. Местные жители называют это место «Тюп», что означает и начало, и конец. На этом одиноком холме, среди вековых елей уединилась сиротливая могильная плита. Посвятивший всю свою жизнь поискам удивительного, сказочного, несбыточного, этот великий, неукротимый искатель, исследователь и путешественник нашёл своё пристанище, свой конец в этом начале. Быть может, последнее пристанище его стало началом для многих других, таких же любознательных, пытливых умов и беспокойных сердец.

Все, кто хоть когда-либо был на берегах прозрачного Каракола, обрамлённого вершинами Алатау, покрытыми вечными снегами, обязательно побывал на этой одинокой могиле. Здесь покоится выдающийся путешественник, покинувший один из самых прекрасных городов Европы, Санкт-Петербург, ради того, чтобы найти своё особое место в этом беспокойном мире, и пожелавший найти своё последнее пристанище в центре Азии, на берегу жемчужного озера. Жаль лишь одного, что этот незаурядный человек, известнейший всему учёному миру и при жизни, и после окончания бременного бытия, исходивший полмира, преодолевший четыре раза Алтайские горы, так и не смог исполнить мечту всей своей жизни и достичь призрачного Тибета...

«...Вечером 10 октября Пржевальский прибыл в Каракол. Роборовский и Козлов приехали туда на другое утро. Они сразу заметили, что Николай Михайлович после дороги уже успел побриться.

– Да, братцы, – сказал Пржевальский. – Я видел себя сегодня в зеркале таким скверным, старым, страшным, что просто испугался и скорее побрился. – Потом, обращаясь к Роборовскому, прибавил: – Завидую тебе, какой ты здоровый!

Весь день Пржевальский в буквальном смысле слова “не находил себе места”: менял квартиры одну за другой. Одна показалась ему сырой и тёмной, в другой давили стены и потолок, и даже от той, которую выбрал после долгих поисков, он в конце концов отказался.

– Здесь мрачно, гадко. Стрелять – ходить далеко. Надо найти место за городом, ближе к горам. Там поселимся в юртах, по экспедиционному.

Роборовский и Телешов выбрали за городом удобную площадку близ ущелья реки Каракол. 14 октября экспедиция перебралась на бивуак. Место Пржевальскому очень понравилось. Но на другой день Николай Михайлович чувствовал себя уже совсем больным. Температура у него повысилась. Пригласить врача он отказывался – и так пройдёт! Утром, выйдя из юрты, он увидел сидевшего вдали на косогоре чёрного грифа. Николаю Михайловичу страстно захотелось убедиться в том, что глаза и руки не изменили ему. Он схватил ружьё и выстрелил. К величайшему восхищению собравшихся неподалёку киргизов, гриф покатился убитым. Его принесли к юрте. Николай Михайлович любовался громадной птицей, расправлял её крылья и перья...

17 октября Пржевальский окончательно занедужил, не вставал, ничего не ел, чувствовал сильную боль под ложечкой, в ногах и в затылке. Его лицо пожелтело. Долго терпел нестерпимую боль, наконец согласился послать за врачом. Роборовский немедленно отправился в город и привёз врача каракольского городского лазарета И. И. Крыжановского. Доктор нашёл у больного брюшной тиф...

Крыжановский считал необходимым срочно перевезти его в город. Но Николай Михайлович соглашался переехать только в такое помещение, возле которого мог бы расположиться весь отряд с багажом и верблюдами. Даже тяжело больной, он не допускал мысли о том, чтобы расстаться со своими спутниками, со своей «семьёй». Городские власти распорядились отвести для путешественников глазной барак каракольского лазарета. Пржевальского перевезли туда в тот же день. На просторном дворе разместились юрты экспедиционного отряда и багаж. Рядом нашлось пастбище для верблюдов.

После переезда Николай Михайлович оживился, но к ночи стал бредить. Роборовский, Козлов, Телешов, Нефёдов не отходили от его постели.

Ненадолго он пришёл в себя и твёрдым голосом позвав к себе своих спутников, сообщил им не терпящим возражения тоном о своей скорой кончине:

– Я ни на йоту не боюсь смерти... Встречался с ней, костлявой, лицом к лицу не один раз.

Заметив, что на глаза друзей навернулись слёзы, укорил их...

– Похороните меня на берегу Иссык-Куля. В изголовье напишите: “Путешественник Пржевальский”. Более ничего не надо. В походную одежду мою обрядите... – с трудом, сквозь прерывистое дыхание сказал он. Немного погодя, собрав остаток сил, договорил: – Пока тело не положили в гроб, вложите мне в руки мой любимый штуцер и сфотографируйте.

20 октября, ранним утром, часов в восемь, долгое время лежавший без сознания Пржевальский неожиданно для всех поднялся с постели. Друзья кинулись его поддержать. Кинув взгляд округ, Пржевальский тяжко вздохнул, его глаза под кустистыми бровями сверкнули огнём, как в далёкой молодости, и, блеснув последними кострами, потухли искрами в утренней синей прохладе.

– Теперь можно и прилечь... – удовлетворённо сказал он.

После этого он отправился в своё последнее путешествие, где его ждали все несбывшиеся мечты и чаяния. Может быть, Господь встретил его, своего сына с мятущейся душой, желавшей новых дорог, новых открытий, и показал ему все те чудеса, которые так жаждал увидеть Пржевальский в мирской жизни своей. Глаза, с постоянной жадностью вглядывавшиеся во всё новое, неизвестное, закрылись. Руки, никогда не остававшиеся праздными, державшие то бусоль, то ружьё, то перо, были холодны и неподвижны. Спутники его странствий, герои, не знавшие слабости, горько плакали.

Близ озера Иссык-Куль, у подножья Небесных гор, великий путешественник, исходивший тысячи километров азиатских пустынь, кончил свой путь...»

«Не бредом больного воображения было последнее выраженное дорогим нам усопшим желание найти место своего упокоения на берегах Иссык-Куля. В этом пожелании кроется глубинный смысл, перекликающийся с думами народа, вполне соответствующий русскому, народному складу ума Николая Михайловича. Он, как былинный витязь из русских сказок, местом своего последнего упокоения выбрал перепаханное, как бы указывая своею могилой на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним. Не только свою веру в то, что по следам его придут такие же, как он, что дороги и пути, по которым ступали копыта его коня, не забудут потомки, что они продолжат дело великого искателя Пржевальского, показал он этим поступком», – писал ещё один великий русский путешественник Пётр Семёнов Тянь-Шанский.

Николай Михайлович Пржевальский не первый и не последний странник, чья могила затерялась на великих просторах нехоженых земель.

Нет ничего удивительного, что посвятив половину своей жизни исследованиям Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии, бесконечно влюблённый в природу этих краёв, местом своего последнего пристанища он выбрал побережье Иссык-Куля. Не вызывает вопросов и то, что отправляясь в вечное путешествие на тот свет, он приказал одеть себя в свою походную одежду и положить в руки его любимый штуцер. Но... безжалостное время, неподвластное никому, не подчиняется нашим желаниям и чаяниям. Вот и город Пржевальск на побережье Иссык-Куля, некогда носивший имя великого исследователя, вернул себе древнее своё название, дошедшее до нас сквозь тьму веков. Не многие уже и помнят об этом...

Возможно... да, когда-нибудь кто-нибудь скажет, что лошадь, названная в честь великого учёного, оставившего свой след в мировой науке, сохранилась не усилиями этого удивительного человека, рассказавшего всему миру о скачущем, неуловимом, как ветер или полдневная тень, диком животном...

Хотелось бы отметить, что на земле всё же есть исследователи, которые одолели не только суровые горы Алтая, но и осуществили мечту великого учёного, дошли до гор Тибета.

«Во второй половине девятнадцатого века несколько европейцев, следуя по пути паломников буддистов, начинавшемуся из города Синин, смогли пройти в Лхасу. Это миссионеры Грубер и Д. Орвиль, которые в 1861 году, выйдя из Пекина, прошли через Лхасу и прибыли в город Агру на Ганге. Ещё ранее этим же маршрутом в 1723–1736 годах прошёл голландец Самуил ван Путте, который проделал путь из Индии в Лхасу и дальше в Пекин. В 1845 году миссионеры Гюк и Габе совершили переход из Северного Китая в Восточный Тибет, а затем в Кантон в Южной части Китая. К сожалению, ни один из перечисленных путешественников не оставил точных географических координат относительно своих переходов. Хотелось бы отметить важность данных пандита – буддийского священника Найна Сингха, который в 1873 году в одиночку совершил переход из Ладакта, обойдя озеро Тенгри-нор, и прибыл в Лхасу.

По пути путешественник нарисовал точную карту своего маршрута, отметил и измерил высоту 497 географических точек, определил долготу 276 пунктов. Ещё один пандит, имя которого, к сожалению, неизвестно, отправившись в 1871–1872 годах из Восточного Непала, вышел к озеру Тенгри-нор, обогнул его с северной стороны и через Лхасу вернулся в Индию».

А что же пишет наш великий путешественник в своих записях?

«В конце 1872 и начале 1873 годов, между экспедициями двух пандитов, во время моей первой азиатской экспедиции мне посчастливилось пройти дорогой паломников буддистов. Дорога проходила около трёхсот вёрст через Северный Тибет, через Цайдам, и доходила до реки Мур-су, которая являлась одним из притоков реки Напчитай-улан-мурень. Улан-мурень, в свою очередь, являлась одним из рукавов великой Ян-цзы-цзянь. Во время моей второй экспедиции в Центральную Азию я прошёл по касательной Северный Тибет, а если говорить точнее – Алтын-таг, который находился недалеко от Лобнора. В 1879 и 1880 годах я начал своё путешествие из оазиса Са-чжу. Пройдя через Северный и Восточный Цайдам, наша экспедиция, миновав гряду Тибетских гор, вышла к Голубой реке. Затем мы вышли к равнине Тан-ла, в результате чего появилась возможность исследовать земли в южной части озера Куис-нор, которое находилось вверх по течению Жёлтой реки».

Как видно из личных записей великого путешественника, он признаётся, что, к сожалению, не смог добраться до Тибета. Мечта его так и осталась мечтой...

В своё время именитые учёные Европы и Азии вели долгие дебаты по поводу обстоятельств смерти одного из величайших людей того времени. Одни придерживались мнения, что причиной смерти Пржевальского была банальная болезнь кишечника. Другие считали, что во всём виноваты тибетские шаманы, которые не допустили проникновения европейцев на их землю. Но есть и такие, которые считают, что это дело рук завистников, нанявших денщика Николая Михайловича, который на протяжении пятнадцати лет сопровождал его во всех экспедициях и в последней убил его, поссорившись с ним...

Между прочим, в дорожных записях человека, слава которого шагала впереди него, нет ни слова о его родных, о его душевном состоянии. В биографии великого путешественника до сих пор очень много белых пятен. И, конечно же, будет кощунством, если мы будем сомневаться в открытиях, совершённых им. Ведь этот путешественник был Человеком Земли... Лишь один Аллах имеет право взвешивать и определять границы правды и лжи.

Спустя годы после смерти Николая Михайловича его учениками были опубликованы многие его научные работы и дневники экспедиций. Дневники эти сохранились, и человек, который даже частично, но всё же знаком с трудами великого путешественника, без сомнения узнает руку самого Пржевальского, собственный его почерк. Но это уже совершенно другая тема.

Что же касается спутника Николая Пржевальского, который прошёл вместе с ним восемь тысяч километров во время его первого путешествия на Тибет, то Всеволод Роборовский впоследствии стал его прямым последователем. Во время второй экспедиции на Тибет им были открыты и исследованы полторы тысячи новых видов растений. Полторы тысячи диких растений, внесённых в реестры всего мира...

Но суровы законы жизни. Не пожалели они и прапорщика Роборовского. Мы вправе сетовать на судьбу, которая приковала к постели человека, который был настоящим и пылким защитником природы. Человека, который с каждой новой экспедицией вырастал как учёный и пытался использовать свой талант на благо общества. В таких случаях степняки говорят коротко и ясно: «Больше отдавал, чем брал...»

Степняки – дети природы. Один из них сын Алдияра – Мырзаш-батыр, который хоть и не имел чести открыть эти пресловутые полторы тысячи растений, но всё же был знаком с большей их частью. И не «просто трава» интересовала его, как Роборовского. Говорят, всю свою жизнь он искал семена дикой многолетней пшеницы. Нашёл он или нет, это нам неведомо. Всё ещё европеец по крови, но азиат по духу, Николай Пржевальский в своём труде «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки» писал: «Что касается зерновых культур, то их невозможно возвращать в горной местности Северного Тибета. Из этого следует, что на данной территории поселение людей, а также земледелие невозможно».

Как правило, неблагоприятные для проживания места обживают люди терпеливые. И нам остаётся только пожалеть, что Мырзаш, с закрытыми глазами наизусть определявший каждый кустик, каждую ложину Горного Алтая, так и не достиг высоких гор Тибета, подпирающих небосвод. Песок – казан, постель – сырая земля, вот удел странника. Быть может, достигнув цели, сердце батыра обрело бы покой и благоденствие, которые он искал всю свою жизнь, кочуя по бескрайним просторам. Кто знает...

Кажется, на этом свете нет человека, который бы не ошибался. В своих записях Пржевальский отметил, что на землях Тибета невозможно оседлое земледелие. Но самое интересное это то, что совершавшие путешествия люди видели на отрогах Тибета произрастающие в обилии зерновые культуры. Один из них, пандит Найн Сингх, в своих записях за 1873 год утверждает, что на высоте 15200 футов (4646 метров) над уровнем моря видел растущий в изобилии ячмень. Этот путешественник был первым в мире, кто определил самую высокую точку, где можно было возделывать землю.

Было доказано, что на Южном Тибете ячмень в состоянии вызревать на высоте 4200-4600, пшеница – 3900 метров над уровнем моря. Что касается Восточного Тибета, то на высоте 2521 метр над уровнем моря можно выращивать рис, кукурузу и виноград .

Это просто замечательно, что из века в век продолжается, словно эстафета, преемственность поколений. Ещё просто удивительно, что после возвращения из экспедиции Мырзаш-батыр женился в преклонном возрасте в очередной раз. Его правнук, сын Когабая Толеухан-ага, мой давнишний друг, долгие годы жил и трудился на благодатной алтайской земле. Возглавлял сельское хозяйство области, потом в должности начальника охраны окружающей среды берёг, так сказать, природу, чтобы передать её в руки своих потомков. Прожив на земле без малого девяносто лет, потомок славного батыра покинул сей бренный мир.

Конечно же, печально, что сегодня, когда на планете не осталось и маленького клочка земли, куда не ступала бы нога разумного существа, мало кто помнит человека, который положил собственную жизнь на алтарь науки. В памяти тщеславных и любящих показуху и шумиху людишек осталось лишь то, что его именем названа дикая лошадь, та самая, которая пять тысяч лет назад была приручена предками вольных, как ветер, свободолюбивых и диких, как и их стремительные, необузданные скакуны, казахов...

Надо признать, хоть Пржевальский и открыл неведомый доселе вид дикой лошади, при жизни он не смог поймать ни одну из них. Но есть люди, которые не только увидели своими глазами лошадь Пржевальского, но и сумели её изловить. Один из них, известный путешественник и историк Г. Е. Грумм-Гржимайло, в своих «Записках о путешествии в Западный Китай» писал:

«Не успел я проползти на карачках и десяти шагов, как из кустов, храпя, выскочил жеребец. Он был великолепен! Приблизившись ко мне, сделал све-

чу. Так как я был с подветренной стороны, он не почуял моего запаха. Опустившись на ноги, он промчался мимо меня. Остановившись поодаль, вновь встал на дыбы и подал голос. Вскоре показался табун. Пропустив косяк вперёд себя, жеребец начал кружить вокруг кобылиц и погнал их в сторону озера...

...Когда я услышал выстрел собственного ружья, подумал, что не попал. Испугался. Нет, на лопатке было видно красное пятно. Но почему она продолжает свой бег?.. Лошадь продолжала бежать, затем, внезапно развернувшись, повернулась к нам другим боком. Времени на раздумье у меня не было, и я выстрелил ещё раз. После второго выстрела ноги у неё подкосились, и она упала на колени, однако всё же попыталась встать. И у неё получилось! Встав на ноги, лошадь продолжила бег! «Нужно стрелять, быстро! Сейчас же!» – и в этот момент табун повернул в обратную сторону. Спустя мгновение косяк промчался мимо меня. В страхе, что я могу потерять свой охотничий трофей, выйдя из-под куста, я напрямик направился к моей добыче. Раненая лошадь замедлила свой бег. Из ран её фонтаном брызгала кровь. Следующая пуля завершила начатое дело, закончила мучения животного. Упав на бок, лошадь оставалась неподвижной. Таким образом, мы сделали то, чего не смог сделать знаменитый охотник Пржевальский, и стали героями статьи в петербургской газете».

Дальнейшая судьба лошади Пржевальского известна всем. Многие видели это редкое животное с томными глазами за железной решёткой зоопарков. Но знали ли они, что «лошади Пржевальского» – это те самые «кортак», в своё время тысячами водившиеся в казахской степи.

Вот и всё... Быть может, найдутся и такие, кто усмотрит в этом повествовании некоторую «расовую окраску в научных выводах», которые делал тот, кто положил все силы и саму жизнь свою на алтарь науки и провёл последние годы в поисках редкого животного. Но поверьте мне, всё это пустое. Казахи говорят: «Благородство одного даёт шанс слабостям другого». Это и вызывает сплетни и зависть тех, кто ёрничает по поводу того, что Пржевальскому так и не удалось найти дикую лошадь, носящую его имя. Быть может, каждый, кто ищет неизведанное в чужой стороне, позабыв о чудесах, окружающих его в родной, извлекут свои уроки из жизни великого скитальца.

Хотелось бы отметить, что среди заметок Пржевальского есть такие, которые так и не увидели свет. Наверное, по причине того, что многие учёные не знают об их существовании, а другие просто не хотят, чтобы они стали известны читателям. Их мы находим в двух перемётных сумках, полных записей неутомимого искателя, который начал свою карьеру путешественника с исследования Сибири с её жуткими, морозными зимами и закончил под палящим, всевысушивающим солнцем Средней Азии.

«Глядя на мрачные окрестности, хочется плакать. Передо мной картина, которую сложно описать словами. Слово по всей долине прошла саранча... Хотя, саранча сметает только травы и листья... А тут... В пойме Урунхайки... Съедено всё... На берегу реки стояли деревья, вернее, всё, что от них осталось. Они стоят словно столбы, а под ними лежат обглоданные сучья. Сможет ли природа оправиться от подобного?.. На ум пришли многотысячные орды кочевников, также оставивших после себя подобные пепелища. Единые, словно сжатые в кулак, орды кочевников, сорвав с петель двери, ворвались в старушку Европу. Гунны, готы огромной, мрачной, грозовой тучей накрыли Западную Европу. Это было воспринято как проклятие Бога, посланное всем народам европейской цивилизации...»

Одному Богу известно, что чувствовал Пржевальский, когда писал эти строки. В другом его дневнике ещё запись: «К нашему счастью, к середине

апреля появились ростки зелёной травы, будет чем питаться верблюдам. Если бы не благоприятная погода, то тогда мы бы не смогли пробраться выше Урунхайки».

Человек, как и окружающая его природа, переменчив, что-то в нём меняется со временем, одно противоречит другому, одним словом, загадка природы. Оглянитесь, посмотрите вокруг, и вы увидите, что человек – это и есть природа, понять которую порою бывает очень сложно...

Что же касается потомка гордого народа Харитона, предками которого являются шорцы и дербеты, хошоуты, торгоуты и юлаты, некогда повелевавшие половине Азии, перед которыми не один, а два раза преклонял колени чванливый Пекин, а цокот копыт их скакунов раздавался по мощёным узким улочкам и проспектам многих европейских городов, то дальнейшая его судьба нам тоже известна.

Калмаки, калмыки или джунгары – народ, который волею судьбы оказался между двумя огнями, сегодня проживает в российской Астрахани, в китайском Восточном Туркестане, на западе Монголии в районах Бай-Өлке – Баян-Улгей, Кобда и Усу, а также в городах Улан-Батор и Эрдэнэт, в окрестностях озёр Баганур и Теленур. Потомков тех калмыков также можно встретить и на землях Восточного Казахстана, и в Семиречье. По некоторым сведениям, их численность в Казахстане около семидесяти тысяч.

Отставив в сторону их высокоблагородия Гасфорта и Колпаковского, говоря о казаках, что прошли весь путь с великим путешественником в его последней экспедиции, следует сказать, что их потомки до сей поры благополучно проживают на землях Семиречья. Разводят породистых лошадей, пащут и сеют. Как я слышал, атаманом у них мой бывший друг и ровесник из казахского рода шапырашты Асылхан сын Артыкбая.

Наш народ на пути к независимости пожертвовал многим. И сейчас мы явили всему миру молодое и сильное государство. А более столетия тому назад, во времена путешествий в наши земли Николая Михайловича Пржевальского, наш народ, мы сами были во многом иные. Но это тема совсем, совсем другого повествования.

**Оформить
подписку
на журнал**

МОЖНО:

для физических лиц

75796

стоимость 2025 год:

1 месяц – 972 тг

3 месяца – 2915 тг

6 месяцев – 5830 тг

12 месяцев – 11660 тг

• В отделениях АО «Казпочта»

• На сайте www.post.kz

• В редакции журнала

• С любого месяца

Подписной индекс:

для юридических лиц

25796

стоимость 2025 год:

1 месяц – 1322 тг

3 месяца – 3965 тг

6 месяцев – 7930 тг

12 месяцев – 15860 тг